

Капитанская дочка. С. 145—199; *Макогоненко Г. П.* Исторический роман о народной войне // Там же. С. 200—232.

³ См.: *Пушкин А. С.* Капитанская дочка. С. 283.

⁴ *Пушкин А. С.* Борис Годунов. Трагедия / Комм. Л. М. Лотман и С. А. Фомичева. СПб., 1996. С. 348—357.

⁵ *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина: Прил. к репринт. изд. М., 1988. С. 12 (№ 262 (4)).

⁶ *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина: (Библиогр. описание). СПб., 1910. С. 160. (№ 613).

⁷ *Апулей.* Апология, или Речь в защиту самого себя от обвинения в магии. Метаморфозы в XI книгах. Флориды / Пер. М. А. Кузьмина и С. П. Маркиша. М., 1956. С. 9. (Лит. памятники).

⁸ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. Т. 7. М.; Л., 1951. С. 534.

⁹ *Зенгер Т. Г.* Комментарий к фрагментам произведений, планы, отрывки писем и т. п., № 46 // Рукою Пушкина. М.; Л., 1935. С. 221.

¹⁰ *Томашевский Б. В.* Первоначальная редакция XI главы «Капитанской дочки» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. № 4—5. С. 11—13.

¹¹ *Шкловский В. Б.* Заметки о прозе русских классиков. С. 76.

¹² *Листов В. С.* Пушкин и Г. А. Пакатский // Болдинские чтения (В печати).

¹³ *Пакатский Г.* Плач Иеремии, переложенный стихами Церкви Санкт-Петербургских Богаделен Священником Гавриилом Пакатским. СПб., 1814. С. 36.

¹⁴ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1. М., 1978. С. 182.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Бартенев П. И.* Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым. М., 1925. С. 21—22.

О. Л. Калашникова
(Днепропетровск, Украина)

КЛЕОПАТРА, ПЕТРОНИЙ И ХРИСТОС В «<ПОВЕСТИ ИЗ РИМСКОЙ ЖИЗНИ>» А. С. ПУШКИНА (О принципах последовательности эпизодов)

В многообразном и в разной степени изученном наследии Пушкина планы, наброски, незаконченные произведения занимают особое место, оставляя исследователям множество вопросов и даже загадок. Одним из таких загадочных и практически не освоенных наукой произведений является «<Повесть из римской жизни>». Исследовательская литература о ней невелика и сводится, как правило, к попыткам уяснения соотношения плана и замысла (Н. Г. Чернышевский, А. А. Ахматова, П. Г. Анненков, Ю. М. Лотман).

Повесть едва начата Пушкиным, план произведения предельно лаконичен: «Описание дома. — Первый вечер, нас было кто, [ст<арый>] греч.<еский> философ исчез — Петр.<оний> улыбается и сказывает

оду (отрывок). (Мы находим П.<етрония> с своим лекарем — он продолжает рассуждение о роде смерти — [кр<овь?>] избирает теплые ванны и кровь) — описание приготовлений. — Он перевязывает рану — и начинаются рассказы 1) О Клеопатре — наши рассуждения о том. 2) вечер. П.<етроний> приказывает разбить драгоценную чашу — диктует Satyricon — рассуждения о падении человека — о падении богов — о общем безверии — о предрассудках Нерона — [Хр.] раб христианин... (VIII (2), 936).

Предпринятая Ю. Лотманом попытка реконструкции «Повести из римской жизни» позволяет согласиться с его гипотезой о том, что зачеркнутая в рукописи плана пометка «Хр» (Христос), по всей вероятности, определяет тему рассуждения второго вечера. В окончательном варианте наброска плана автор определяет не тему, а рассказчика: «Раб христианин» (VIII (2), 936). Тогда повесть становится описанием трех пиров перед смертью: пир Клеопатры, пир Петрония, пир Христа (тайная вечеря)¹.

Почему Пушкин выбирает именно эту цепочку имен и что в его художественном сознании связывает Клеопатру, Петрония и Христа?

Попытка найти ответ на этот вопрос предпринята тем же Лотманом, который, во-первых считает, что соединение сюжетов о Петронии и Клеопатре могло быть подсказано существовавшей с XVIII в. традицией комментированных изданий, включавших считавшиеся тогда подлинными материалы о Клеопатре в приложение к «Сатирикону» Петрония². Во-вторых, ученый высказывает предположение о том, что публикуемый в составе «Мы проводили вечер на даче...» отрывок («Темная, знойная ночь объемлет Африканское небо...») (VIII (2), 422) первоначально предназначается для «первой ночи» бесед Петрония (ночи о Клеопатре)³.

Любопытно и рассуждение Лотмана о хронологической симметрии трех основных эпизодов: «...тридцать с небольшим лет между пиром Клеопатры и рождением Иисуса и столько же — между его распятием и пиром Петрония»⁴.

Подчеркивая закономерность появления темы Христа в произведении и ее генетическую, идейную связь с другими творениями Пушкину 1830-х гг., скажем, с «Маленькими трагедиями» (что отмечает и А. Ахматова), Ю. Лотман склоняется к мысли о предполагаемом центральном положении эпизода с Христом в «Повести из римской жизни».

Однако и рукописные пометки в плане повести, и окончательный вариант набросков плана (Клеопатра — Петроний, его «Сатирикон» — раб христианин), и поэтика названия («Повесть из римской жизни») сохраняют вполне определенную последовательность эпизодов, как раз нарушающую открытый Ю. Лотманом хронологический принцип. Очевидно, что и пиру Клеопатры, и пиру Петрония противопоставлен пир Христа: контрастность обоих вариантов несовершенного языческого мира — египетского и римского — миру Хри-

ста во многом достигается именно последовательностью эпизодов. Тема Христа закономерно возникает в финале как тема *христианского идеала*, неизвестного (в Древнем Египте) или еще не признанного (в нероновском Риме) и пока не достигнутого нигде.

В то же время сам принцип контрастного соотнесения двух языческих пиров с «тайной вечерей» как бы восстанавливает хронологию, помещая в *идейный* центр «<Повести из римской жизни>» именно Христа. Отказываясь от упрощенно-прямолинейной хронологической композиции: Клеопатра—Христос—Петроний, Пушкин включает механизм активной работы читательской мысли, оставаясь верным своему принципу неожиданных сюжетных построений и разрушения трафаретов, четко обозначенному и в «Повестях Белкина», и в «Андже-ло», а ранее в «Руслане и Людмиле» и «Евгении Онегине».

Симптоматично, на наш взгляд, и центральное *композиционное место* эпизода с Петронием в «<Повести из римской жизни>». Именно Петроний, оклеветанный и отвергнутый властью поэт, должен был занять центральное место в произведении Пушкина 1830-х гг., когда тема поэта и власти, смерти и бессмертия стала одной из основных, определяя тот автобиографический аспект образа Петрония, о котором многое написано.

В подобном разделении композиционного (пир Петрония) и идейного (пир Христа) центров «<Повести из римской жизни>» и заключается особенность композиционного решения Пушкина, оставляющего простор для импровизации, позволяющего включить и другие пиры в общий сатирический философский контекст повести, отразивший главное направление художественной мысли поэта, складывавшей различные наброски в некий «план обширный» и пролагающей пути новаторским художественным откровениям о Христе и мире в литературе XX столетия.

С другой стороны, подобное композиционное решение обусловлено попытками Пушкина найти ответы на важные духовно-исторические вопросы, главным из которых был вопрос о путях развития человеческой истории.

В замечаниях Пушкина о втором томе «Истории русского народа» (1830) Н. Полевого четко определены основные вехи развития человечества: «История древняя кончилась богочеловеком, — говорит Полевой. — Величайший духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство. В сей-то Священной стихии исчез и обновился мир. История древняя есть история *Египта*, Персии, Греции, *Рима*. История новейшая есть история христианства» (курсив мой. — О. К.) (XI, 127).

Воспринимая Египет как начальную точку истории древней, Рим — как ее финал, и христианство — как начало истории новейшей, Пушкин подчиняет этим историческим ритмам и композицию своей «<Повести из римской жизни>».

После июльской революции 1830 г., знаменовавшей конец наполеоновской эпохи и начало буржуазного века, образ Христа оказывался особенно значимым, так как новая историческая эпоха рождала надежду на то, что «скоро появится человек, который принесет нам истину веков» (как писал Чаадаев Пушкину 18 сентября 1831 г. — XIV, 227, подл. по-франц.)

Размышления о бессмертии, вере и неверии, занимавшие Пушкина не эпизодически и составлявшие атмосферу его творчества, также стали определяющими в выборе именно такой последовательности эпизодов: Египет и Рим осознаны через призму истории христианства как этапы его становления.

Философско-историческую картину духовной эволюции человечества закономерно должен был открывать египетский эпизод — некий пролог к христианству. Известно, что Египет, считавшийся частью эллинистического мира со времен Александра Македонского, оказал влияние на возникновение многих христианских идей и образов. Так, мемфисская космогония, согласно которой бог Пта сотворяет мир в интеллектуальном акте («Зародилась в сердце мысль в образе Атума, возникла она на языке в этом образе. Велик и огромен также Пта, унаследовавший свою силу от всех богов и их духов через это сердце, через этот язык. И стало так, что сердце и язык получили власть над всеми членами, ибо познали они, что Пта в каждом теле, во рту каждого из богов, всех людей, всех зверей, всех червей и всего живущего, ибо он мыслит и повелевает всеми вещами, какими хочет»⁵), перекликается с ветхозаветной версией возникновения мира из слова (т. е. мысли) Бога: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет» (Быт. 1, 3) и новозаветной интерпретацией сотворения мира: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все через Него начало быть» (Инн. 1; 1—3). А центральная в египетской «Книге мертвых» идея загробного воздаяния является прототипом христианского учения о Страшном суде. Египетский культ Исиды, зачавшей сына Гора (Хора) от уже умершего, но собранного по частям тела Осириса, породивший в египетской культуре образ Исиды с младенцем Гором, в известной степени отзовется в христианском образе Богородицы с младенцем на руках и идее непорочного зачатия.

Римский эпизод повести связан с испытаниями, которые были посланы христианам. Ведь именно 60-е гг. н. э. (времена Петрония) были отмечены массовыми казнями христиан: всего за несколько месяцев до самоубийства Петрония (66 г. н. э.) в Риме были казнены апостолы Петр и Павел (65 г. н. э.), а годом ранее произошел известный пожар в Риме, инициированный Нероном, обвинившим впоследствии христиан и начавшим гонение на них.

И, наконец, «тайная вечеря» должна была утверждать непреходящий характер идей Христа — Спасителя всего человечества.

Объединяющий все три эпизода мотив добровольной смерти как возможного, практически архетипического выхода из ситуации проти-

востояния человека и власти, мессии и толпы как бы примеряется Пушкиным на себя. Это рождает несомненный автобиографический аспект проблематики «<Повести из римской жизни>», но в то же время снимает всякие хронологические или социально-исторические акценты, делая главной основную для пушкинского метаверсума ⁶ проблему «Человек перед лицом вечности».

Сохраненная в набросках плана, отразившая духовную ориентацию Пушкина 1830-х гг. последовательность эпизодов очень важна, ибо позволяет прочитывать неоконченную «<Повести из римской жизни>» как философско-поэтическое размышление о прошлом и будущем человечества.

Примечания

¹ Лотман Ю. М. В школе поэтического творчества. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988. С. 150.

² Там же. С. 149.

³ Там же. С. 150.

⁴ Там же. С. 151.

⁵ Немировский А. И. Мифы и легенды Древнего Востока. М., 1994. С. 8.

⁶ Новикова М. А. Пушкинский космос: Языческая и христианская традиции в творчестве Пушкина. М., 1995.

Ю. П. Фесенко

(Луганск, Украина)

«СНЫ» ШЕКСПИРА, ПУШКИНА, ДАЛЯ

В 1873 г. в своем обстоятельном очерке о В. И. Дале П. И. Мельников (Андрей Печерский) отмечал: «Написал Казак Луганский и драматическое произведение *Ночь на распутии или утро вечера мудренее*. Эта „старая бывальщина в лицах“ написана В. И. Далем по настояниям Пушкина. Содержание ее фантастическое. Тут кроме удельного князя Вышеслава, его дочери Зори и ее женихов, действуют Домовой, Водяной, Леший, Оборотень, Русалки, и все они действуют вполне по-русски, то есть вполне сообразно с представлениями о них, созданными русским народом. В художественном отношении *Ночь на распутии* слаба, но она замечательна как опыт выставить на сцену русский сказочный мир. Даль рассказывал, что Глинка не раз ему говаривал, что после *Руслана и Людмилы* он непременно примется за *Ночь на распутии*. И какое бы в самом деле прекрасное либретто для русской оперы можно было сделать из этой „старой бывальщины“!» ¹

Перед нами еще одно авторитетное подтверждение творческих взаимоотношений Даля и Пушкина ². Некоторая нестыковка в цитате между признанием и отрицанием оригинальности не отменяет ценности сообщаемых сведений. Во всяком случае, свидетельство о прича-

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ФОНД РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ГУМАНИТАРНЫХ СВЯЗЕЙ
«МОСКВА—КРЫМ»

ПУШКИН И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА

Материалы шестой Международной конференции

Крым, 27 мая—1 июня 2002 г.

Санкт-Петербург,
Симферополь,
2003